

В. Г. Лебединская

ОБЩЕРУССКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ МЕР СЫПУЧИХ ВЕЩЕСТВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВЕКОВ

Письменные памятники XI–XVII вв. свидетельствуют, что с древнерусского периода метрологические наименования были разнообразны, но все это многообразие можно представить в виде двух больших групп: названия мер общерусских и мер территориальных. В статье автор обращается к анализу общерусских наименований мер сыпучих тел. Материалы, относящиеся к периоду XVI–XVII вв., получены автором в ходе многолетнего исследования скорописных памятников в архивах Москвы и Архангельска.

V. Lebedinskaya

GENERAL RUSSIAN NAMES OF GRANULAR MATERIALS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 11–17th CENTURIES

Written monuments of the 11–17th centuries show that starting from the Old Russian Period metrological naming units were quite plentiful. These can be divided into two main groups: general Russian measures and territory measures. The article is devoted to the analysis of general Russian names of granular materials. All the facts from the 11–17th centuries have been carefully selected and analysed by the author in the research carried out over a number of years on cursive monuments in Moscow and Archangelsk archives.

Постепенный процесс ликвидации феодальной раздробленности и образования единого Русского государства обусловил тенденцию ликвидации некоторых местных мер и укрепления единой общерусской системы измерений. Можно констатировать, что русская система мер сыпучих тел в общем и целом сложилась к концу рассматриваемого периода и в своей большей части сохранилась до введения в России международной метрической системы измерений. Тема исследуемого материала ограничивается XVII в., однако собранный материал дает автору в некоторых случаях выход и в более поздние периоды.

Система кади. Основной древнейшей мерой сыпучих тел, употреблявшейся в Киеве и других городах Древнерусского государства, была *кадь*. Слово является общеславянским: укр. кадь, бел. кадка, болг. када, с.-х. kād, словен. kàd, чеш. кап, слвц. капа, польск. kadź, в.-луж. kadź, н.-луж. kaž¹. Этимология слова объясняется исследователями по-разному: М. Фасмер и А. Г. Преображенский считают, что слово является заимствованием из греческого языка (κάδιον — кувшин, ведро)², Ф. Миклошич полагает, что *кадь* заимствована из латинского *cadus* — большой глиняный сосуд для вина. А. Брюкнер замечает, что наименование очень древнее, и слова, подобные кади, переходили от народа к народу³. О. Н. Трубачев принятию праславянской древности заимствования противопоставляет тот факт, что это культурное слово, распространенное у славян, хотя повсеместно, но позже⁴.

В древнерусских памятниках *кадь* фиксируется с XII в. в двух значениях: 1) «деревянный сосуд из досок, скрепленных обручами»: Въ виноградѣ три кади (*Быт.* XL. 10 по сп. XIV в.)⁵; 2) «мера сыпучих тел»: *Кадь* ржи коупляхоуть по 10 грвнѣ а овса по 3 грвнѣ (Новгор. л. по Синодальному списку, 1143 г. — КДРС), Коупляхоу *кадь* ржи по 4 грвнѣ (Новг. I л., 1170 г. — КДРС); И бысть в Новѣгородѣ *кадь* ржи по десяти гривнѣ, а овса *кадь* по три гривны (Никон. л., 1215 г.)⁶; *Кадь* ржи по четыре гривны новгородския (Никон.л., 1229 г. — КДРС).

Как синонимические к наименованию *кадь* выступали существительные *оковѣ* и *бочка*. В отличие от бочки *кадь* могла быть ниже и не имела верхней крышки, поэтому бочки иногда переделывали в кади⁷. Происхождение названия *оковѣ* связано с тем, что верх кади часто оковывали металлом — железом или медью, — чтобы его нельзя было обрезать и тем самым уменьшить вместимость кади: Бочки или кади, тѣ же оковами зваху; оковаху бо по верху тое кади желѣзнымъ обручемъ, для того чтобы не лъзѣ было урѣзати (Карамзин ИГР, III, 8 — КДРС); А въ в Твери *оковѣ* ржи по 20 по 6 алтынѣ, а *оковѣ* овса по 10 алтынѣ; Взяти ми ...поль-окова овса (Арх. Стр. I, 50. 1482 г. — КДРС). Металлический верх меры мог также защищать ее от износа. М. Влайинац отмечает наименование *аков* в качестве старинной меры, причем очень распространенной, служившей чаще для измерения жидких веществ: аков представлял собою «ведро, окованное обручами»⁸.

Кадь в документах XV–XVII вв. используется для названия меры не только сыпучих веществ, но и других продуктов (например, меда, вина, масла, лука и рыбы): А купить себѢ на лавку бѢлозерец... бочку рыбы, или *кадь* рыбы... и имъ со всего съ того съ одного имать у нихъ по полудензѢ (Тамож. Белоз. гр. 1497 г.)⁹; Купили меду 25 *кадеи* а в них 122 пуд 2 четии по 20 по 4 алтна пуд (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 2. Л. 38. 1583–1585 г.); Да по весу зелья опроч *кадеи* 43 пуда полупудом¹⁰; Купил *кад* луку саженцу (РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 8. Л. 14 об. 1655 г.); Масла коровья в трех *кадах* десят пгд з деревомъ десят пуд (РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Д. 37. Л. 246. 1677 г.).

В наших материалах встречаются однокоренные образования, обозначавшие меньшие по вместимости емкости: *кадка*, *кадочка*, *кадуля*, *кадулька*. Трудно сказать, как эти емкости соотносились друг с другом по объему вмещавшихся в них веществ. Можно лишь утверждать, что в изучаемый период помимо основной меры – *кади* – бытовали различные по вместимости деревянные сосуды из досок, скрепленных железными обручами, с наименованиями с корнем *кад-*, использовавшиеся для измерения как сыпучих, жидких веществ, так и других: Стоя всѢ лѢто ведромъ и пригорѢ всѢ жито... и купляхомъ *кадку* малую по 7 кунъ (Новг. I л. 1161 г. – КДРС); Меду 2 пуды да *кадочку* дал за мед и за *кадочку* 2 рубли 10 ал 4 де (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 5. Л. 25 об. 1602 г.); Куплено пять пуд меда *кадка* (РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 24. Л. 19. XVII в.); ДвѢ окончины телятины, да московская мера, *катка*, осминникъ, а подо дномъ перехрестокъ железной (Роспись Клинского кружечного двора. 1668 г. – КДРС); Симени 2 *кадули*, ячмени полмеры с *кадулькою* (РГАДА. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1216. Л. 20 об. 1674 г.); Купил молока *кадка* (ГААО. Ф. 309. Оп. 5. Д. 16. Л. 81 об. 1684 г.); Симяни конопляного пол 5 *кадулки* (РГАДА. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 807. Л. 18. 1699 г.).

В источниках XVII в. встречается *заорленная кадка* – мера, подлинность которой была подтверждена государственным знаком («орлом»): Велено солъ/ь/ перемѢритъ/ь/ соляною *заорленою кадкою* и сколько тоѢ соли кадок будет... велено отписатъ/ь/ на Илимской волокъ (Якут. а., карт. 4, № 2. 1641 г. – КДРС).

Кадь по системе двух делилась на две, четыре и восемь частей. Отсюда наименования: *половникъ* – «половина кади», *четверть* – «четвертая часть кади», *осминка* – «восьмая часть кади». Таким образом, подразделения кади в самих своих названиях отражали фактическое содержание в долях к ней: А прежнія мѢры, которыя именуемъ четверти, то бывало четвертая доля бочки или кади... а осмину имяновали осмую долю (Карамзин ИГР III, пр. 8. XVII в. – КДРС).

Половникъ. *Половникъ* в качестве половинной меры встречается в летописях, относящихся к XV в.: А на Москве оковъ жита по рублю... а в НовѢгородѢ Нижнемъ по 2000 алтынъ... Купили *половникъ* ржи по 100 алтынъ по 15 алтынъ (XV в.)¹¹.

Итак, за оков зернового хлеба заплатили 200 алтын, а за *половник* в два раза меньше. В летописях середины XV в. заметна тенденция замены наименования *половникъ* на название *полкади*: овса *полкади*¹².

М. Влайнац указывает, что в сербохорватских письменных памятниках *половняк* в качестве «хлебной меры» фиксируется с 1629 г., а для измерения жидких тел – с 1749 г. Исследователь высказывает предположение, что мера по вместимости могла составлять полведра¹³.

Четверть. Наименование *четверть* – четвертая часть кади – фиксируется памятниками письменности с XIII в.: И купиша хлѢбъ по осми кунъ, а *четверть* ржи по 20 гривенъ новгородскихъ, а в иныхъ мѢстехъ пустыхъ *четверть* их ржи по 30 гривенъ (Никон. л. под 1230 г. – КДРС); Гедеоъ же вниде и створи козлище ѿ/т/ козь, и *четверть* мѹки, ѿпрѢснькы (Суд. VI. 19 по сп. XIV в.)¹⁴; Взяти ми на Ку-

земкѢ на СъкворцовѢ десять *четвертеи* ржи...шесть *четвертеи* овса (Дух. Панкр. Чен. 1482 г.); Четверть с двою спуд (Библ. 1499 г.).

М. Влайинац пишет, что *четверт* выступала до XIV в. в качестве «хлебной меры в Загребе», а в XV в. — «соляной меры в Загребе»¹⁵.

Осьминька. Письменные памятники древнерусского языка фиксируют существительное осьминька (осмьнька) с XII в.: Быс голодь и цересь зимоу, ржи осминка по полоугрвнѢ (Новг. I л. 1127 г.)¹⁶; Въ се же лѢт лютѢ бяше: осминька ржи по грвнѢ бяше; ВсѢ лет осмьнька велика по 7 резан (Новг. I л. 1134 г.).

А. И. Никитский установил примерное равенство древнерусской кади 14 позднейшим пудам, т. е. 229,32 кг¹⁷. К такому выводу исследователь пришел после сопоставления различных контекстов из ранних и поздних источников. Таким образом им была восстановлена древняя система кади, выглядевшая так:

кадь = 2 половникам = 4 четвертям =
= 8 осьминам = 14 пудам

половник = 2 четвертям = 4 осьминам =
= 7 пудам

четверть = 2 осьминам = $3\frac{1}{2}$ пудам

осминка = $1\frac{3}{4}$ пуда.

Бочка. Выше уже говорилось о том, что нередко в письменных памятниках наименование *кадь* заменялось синонимами: *оковъ* и *бочка*. Обратимся к наименованию *бочка*.

О. Н. Трубачев считает, что корень в слове *бочка* восходит к праславянскому *бокъ, не имеющему ясной этимологии. «Почти каждое его сближение может быть подвергнуто серьезному сомнению. Таково сравнение с далекими семантически *лат. bakulum* — посох, палка, *гр. βῆκτρον* — посох, скипетр, *ирл. бас, др.-ирл. басс* — крюк, клюка. То же можно сказать и о сравнении *бокъ с *англ. back* — спина¹⁸.

Бочками измеряли как сыпучие, так и другие продукты: В землю сеяны три *бочки* ржи... Се язъ Гаврило Семенов сын Мохнаткина каргополец продал... три *бочки* ржи (САМ 1566 г., с. 195); Купил на мнстрьской обиход ягод морошки 5 *бочек* (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 3. Л. 68. 1601 г.); Купил в Сѡлзы у Ефима попа ягод морошки *бочки* дал 5 ал 2 де (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 5. Л. 21. 1602 г.); Купили масла конопляног 2 *бочки* а в них вѢсом 13 пуд 35 гривенок... *Бочку* муки ладаные (РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 11. Л. 49, 95 об. 1609 г.); Дал жнитвяной ржи полбочки (ГААО. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5. Л. 243. Л. 3 об. 1687 г.); Купил *полубоче* молока дал 10 алтынѢ (ГААО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 3. Л. 10. 1662 г.); Под таможду семьдесятъ три *бочки* вина (ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 10. Л. 2. 1683 г.).

Вместимость бочек была различной в зависимости от их размеров: Куплено... девятнадцать *бочек больших и малых* (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 60. Л. 18а. 1614 г.); Куплено пят *бочек* квасных *болших* дано семнатцат рублев (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 542. Л. 33 об. 1662 г.). В письменных памятниках XVII в. чаще встречаются бочки, содержащие 8,5 пуда (муки): Издержал бочку жытной муки а весом пол 9 пуда (ГААО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 3. Л. 2. 1662 г.).

Лукно. Существительное *лукно* — древнейшее праславянское слово. О. Н. Трубачев пишет, что праславянское *лакъно образовано по типу имен *окъно, *сукъно с суффиксом -ъно от основы *лакъ¹⁹. Там же: «Праславянское *лакъ, *лака — названия различных дугообразных изогнутых предметов; глагол *лакъити обозначал “связывать, соединять”. Сравним с данными “Этимологического словаря русского языка” М. Фасмера: с.-х. лукно “мера хлеба”, словен. laĵno “определенная подать, приношения приходскому священнику”, чеш. lukno «берестяная корзина, мера зерна»²⁰. В старославянском языке слово *лукны* — «кривой, согнутый». Существительное *лука* использовалось в двух значениях: 1) «кривизна, изгиб», 2) «хитрость, лукавство, обман»²¹.

Первые фиксации слова *лукно* относятся к ранним памятникам письменности. И. И. Срезневский дает два лексических значения для *лукна*: 1) «сплетенная из коры корзинка» и 2) «мера вместимости», и приводит примеры употребления из ранних источников: И повелѢ искати меду, ѡни же шедше взяша меду *лукно*, бѢ бо погребено в княжи медуши (Пов. вр. л., под 997 г.)²²; А солоду дадять (емоу) ѡдиною 10 *лоуконѡ* (Р. Прав. Влад. Мон. по Син. сп.); 7 лоуконѡ ѡвса на 4 кони (Там же); Оуставляю ловчее на Берестьяны и в вѢкы за ихъ коромолу, со ста по двѢ лоукнѢ меду (Грамм. Влад. 1387 г.).

Лукно фиксируется в древнерусских памятниках письменности в качестве единицы измерения зерновых культур, соли, меда, икры и других продуктов, в том числе и жидких: А за кормъ и за вологу и за мяса и за рыбы... 7 *луконь* овса (Р. Пр. 1280 г.)²³; Они же взяти *лукно* меду, бѢ бо погребено в землѢ (Новг. Ил., до 1352 г. — КДРС); И на соляные *лукошка* и на рогожи и на всякие росходы (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. Л. 27. XVII в., Старая Русса); А купить Дмитровецъ въ семь въ РогачевѢ бочку сельдеи или *лукна* икры или корсачную икру... и имъ имати у таможниковъ узолки за таможниковою печатью (А.О.Отв. казнач. 1665 г. — КДРС); Два *лукна* осиновых... три *лукна* мучных (А.О. Отв. Кор. С. 1699 г. — КДРС).

Встречаются, но значительно реже в письменных памятниках изучаемого периода уменьшительные образования *лукъньице*, *лукошько*: Моужъ нѢкьи, хот ѡтити на поуть, имаи же лоукъньице мало, пълно соуще сребра (Нест. Жит. Фед. 29.)²⁴; Не татбитъ ни *лукошки*, ни кадки (Пск. Суд. грам.)²⁵; Съ контаря соли, съ корсаки и *лукошка* икры деньга (Грамм. Вас. Ив. Переясл. Ряз. 1606 г.).

Д. И. Прозоровский пришел к выводу, что древнерусское *лукно* было мерой небольшой и вмещало приблизительно 24–25 килограммов зерна²⁶. Л. В. Черепнин с таким выводом был не согласен и считал,

что *лукно* — мера значительно большего объема. Исследователь предложил сравнить древнерусское *лукно* со словацким *лукном* XIV в.²⁷: у словаков вместимость *лукна* 156,325 л²⁸. М. Влайнац пишет, что *лукно* в Хорватии и Словении вмещало приблизительно 78,16 л., а уменьшительное образование *лукненке* ровно в половину меньше — 39,08 л²⁹.

В письменных памятниках XVII в. *лукно* уже значительно реже употребляется в значении «меры вместимости» — все чаще фигурируют значения «плетеная корзинка», «гнутой кузовок». Эти значения сохраняются у слова и позднее, а метрологическое значение из употребления постепенно выходит.

В XVIII–XIX вв. в говорах *лукном*, *лукошкой* называется всякая деревянная посуда с обручами³⁰. В XVIII в. *лукошко* часто использовали «для хранения одежды, разнообразных припасов и бумаг»: *Лукошко* круглое в немъ двѢ рубахи конопляных женских еще рубашка женская (1741 г.)³¹. *Лукно*, сообщает В. И. Даль, в зависимости от назначения может называться набиркой, мостинкой, ягодницей, грибовницей, ималкой и др.³²

Мехъ. В качестве единиц измерения сыпучих тел все народы издавна использовали и мягкую тару. В древности такие емкости делали из шкур зверей. Шкурки животных (меха) являлись одним из наиболее важных видов сырья для производственной деятельности.

И. И. Срезневский показывает эволюцию в развитии значений этого слова: первоначально *мех* — это волосяной покров, шерсть животного, потом — человеческая кожа, кожа для письма,местилище, сосуд и, наконец, мера для сыпучих и жидких тел³³. М. Фасмер приводит аналогии старославянскому мѢхъ в славянских, романских и других языках: укр. мiх, болг. мех «бурдюк, мех», с.-х. мiјех, словен. mēh «мех, бурдюк», чеш. měch, слвц., в.-луж., н.-луж. měch, полаб. mech. Слово *мех* родственно лит. maišas «мешок», лтш. máiss — то же,

др.-пруск. *moasis* «кузнечный мех», др.-инд. *mēśas* «баран, шкура», авест. *maēša*³⁴.

Корзины из шкур известны с древних времен всем народам. Поэтому М. Фасмер не видит необходимости «в разграничении древних основ в разных языках слов, обозначающих в русском языке мех»³⁵. Самые древние сосуды из шкур делались следующим образом: шкуру со зверя снимали целиком (дудкою), зашивали и обдывали для держания жидкостей и сыпучих веществ³⁶. Исследователь отмечает, что у других народов сделанные таким образом сосуды получили названия бурдюк, абак, тур-сук.

В славянском переводе Библии, в книге пророка Аггея, словом *мехъ* переведено гр. *κυφέλη* 1) ящик, сундук, корзина, ваза, 2) род меры³⁷. Одна из ранних фиксаций *меха* в качестве меры в древнерусских памятниках относится к XIII в.: Княжо, наш горожанинъ Фредерикъ продал члвеку *мехъ* соли и щнъ оуслышалъ; ажо ты не велель гостеви со гостемъ торговати (Грамм. Риж. ок. 1300 г. — КДРС).

Таким образом, не подтверждается утверждение И. Сахарова, высказанное в примечаниях к «Торговой книге», что *мехъ* отмечается в письменных памятниках лишь с XV в.³⁸ *Мех* в качестве единицы измерения соли встречается также в былинах, древнейшем из жанров устного народного творчества: «...Закупил я соли цело три *меха*,/ Каждый *мех*-то ведь по сто пуд» (Былина «Вольга и Микула Селянович»); «...Увезъ я оттоль соли по сороку пудъ; Два *мѣха* соли по сороку пудъ»... (Песни, собр. П. Н. Рыбниковым. Ч. 1. — КДРС).

В письменных памятниках XV в. *мехъ* наиболее употребителен: Мѣхъ овса, воз сѣна (1455 г.); На Рожство Хсво сѣ дву плуг полот мяса, мѣхъ овса... а не люб мѣхъ овса ино алтын (Жал. льгот. гр. Гал. и Солыг. Кр. 1455–1462 гг.)³⁹; А купит себе на лавку белозерець городской человек *мех* соли или бочку рыбы или кадъ рыбы или бочку сельдеи и им со всего с того с одного имати у них по полудензе (Белозерская таможенная

грамота. 1497 г.); Соли пять бочекъ мехъ да два меха (Польск. д. I., 261. 1498 г. — КДРС).

В источниках XVI в. встречаются мѣхъ коломенской, мѣхъ тверской: Данъ был ему мѣхъ коломенской, и онъ не взять (Бояр. кн., 28. 1556 г.); Браль мѣхъ тверской⁴⁰.

В XVII в. *мехъ* — распространенная и широко употребительная мера сыпучих тел, чаще соли: Дано кнзю Петру Ивановичю Пронскому да Моисею Федоровичю Глѣбову да дякю Василию Ларионову из лоди ж соли Неноксы 3 мѣха а в них вѣсом 83 пуда 1 чет (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 60. Л. 37 об. 1614 г.); Ноября в 1 де вологжанинѣ Ивану Черепану десет мѣхов а в них вѣсѣ триста пятьдесят четыре пуда три чет (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 150. Л. 7 об. 1631 г.); Вывезли на своих мнстрѣских конех от варницъ к Сухоне рекѣ семьдесят пять *мехов* соли... дал на Тотме от соляные волочки извощикам что в дошаник з берегу волочили семьдесят пять *мехов* ценою по две денги с *меха* итого двадцет пять алтнѣ (РГАДА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 70. 1686–1687 гг.).

Фактическое содержание *меха*, употребленного на Руси до конца XV в., неизвестно. В памятниках письменности до XV в. встречается только наименование меры и не дается указаний на его вместимость. Попытку установить вместимость мѣха середины XV в. сделал А. И. Никитский. Сопоставив косвенные данные из севернорусских источников, исследователь пришел к выводу о том, что *мехъ* заключал в себе не более 7 пудов соли⁴¹. В памятниках письменности XVI в. встречаются разновидности мехов в зависимости от вмещаемого веса жидких или сыпучих тел. Так, различались *мех осьминный*, *мех по 25 пудов*, *мех по 30 пудов*: Въ Колуге Строгановыхъ товару объявилось соли 680 мѣховъ; а въ мѣху вѣсу по 25 по 30 пудъ (ААЭ III, 106. 1615 г.)⁴².

Следует отметить, что мѣхъ принадлежит к числу мер, всегда приблизительных по своему весовому значению. Понимая это, писцы после указания количества мехов всегда давали сведения о вместимости

меры в пудах. В одном из северно-русских документов нам встретился следующий контекст: Мсца августа в 30 де продал соли Софону воложенину вряд ѿдин мех взял денег пят рублев два алтыны две денги (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 153. Л. 2 об. 1631 г.). Видимо, забыв сразу указать вес проданной соли или не зная его сначала, писец приписал на полях рядом со словом *мех*: трицет девят пуд (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 153. Л. 2 об. 1631 г.).

В северно-русских письменных памятниках весовое содержание одного меха соли в XVII в. могло составлять, по нашим данным, от 30,5 до 40 пудов: На Петровской ярмонке тое же соли продано шестдесят четыре *меха* а вЪсом тысяча девесот пядьдесят один пуд (т. е. один мех = приблизительно 30,5 пуда – РГАДА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 261. Л. 17. 1686–1687 гг.); Продал соли Ивану Галечинину *мех* весом соли сорок пуд цена соли пуд по четыре алтыны взято денег четыре рубли двадцет шесть алтын четыре денги (один мех = 40 пудов – ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 153. Л. 17 об. 1631 г.).

Эти два предела (верхний – 40 пудов и нижний – 30,5 пуда) в источниках встречаются редко. В большинстве своем фигурируют мехи от 32 до 36 пудов: того же въ 5 де продано соли вряд Петру Терентьеву мЪх вЪсом 32 пуда по 11 алтнъ по 3 де пуд итог взято ѿдиннадцатъ рублев один алтнъ 2 де (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 542. Л. 3. 1662 г.); Соли девет *мехов* а в них вЪсу триста дватцет четыре пуда (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 150. Л. 2 об. 1631 г.), т. е. в одном мехе 36 пудов соли.

В письменных памятниках XVII в. мехи делятся на три группы в зависимости от размера: *мехи большие*, *мехи средние* и *мехи меньшие*. Если партия товара была очень большой, а было необходимо знать общий вес в пудах, выбирались из всех мехов только три, которые и взвешивались для определения общего веса (большой, средний и маленький): отпушено к Вологды з Гаврилом старцем на казеном дощаники положено соли Неноксы Логинова привозсу

двести 44 мЪха вешено три мЪха болшеи да сЪреднЪи да мЪнше/и/ большая потянѹла рогожа 35 пуд 2 чет сЪредняя потянѹла 35 пуд мЪншая потянѹла 32 пуда 2 чет и тое соли по числу 8782 пуда... Да Уны положено на котлянской дощаникъ 147 мЪхов вешено три мЪха большая да сЪредняя да мЪншая а тянѹли противо прежнЪго весу и тое соли по числу 5292 пуда і всЪи соли положено на обоих дощаниках Неноксы и Уны 456 мЪхов а весом соли по числу 16441 пуд (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 157. Л. 43, 43 об. 1652 г.); на Колмогорах я Аникеише ѹнскую монастырскую лодю полну соли 59 мЪхов болших... и ис тоі лодьи вышло соли 83 мЪха болших (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 18. Л. 46 об., 47. 1652 г.).

В памятниках письменности XVII в. встречаются слова *мешокъ* и *мешочекъ*, образованные от существительного *мехъ* с помощью уменьшительных суффиксов: Два *мешка* дал 10 де...купил два *мешка* холщевых дал 6 де (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 5. Л. 26, 31. 1602 г.); Хлеба... сорокъ четыре чети ржи и та рожъ и нынЪ в житницЪ на Зелейцынской мельницЪ да старецъ же Севастьянъ принялъ у старца Елизаря холст, а дан ему тотъ холстъ изъ казны на *мешки*; Пядьдесятъ *мЪшковъ* уголья березового (Материалы для истории медицины в России. XVII в. – КДРС); 7 *мЪшковъ* портяныхъ (АМГ III, 1661 г. – КДРС). Два мЪшка пшеничной муки большой руки (Кн. прих.-расх. Сибирской приказной избы. – 1665–1667 гг. – КДРС); Купил десять мЪшковъ рогожных дано пят алтнъ (ГААО. Ф. 309. Оп. 5. Д. 6. Л. 8 об. 1672 г.). Слова *мешокъ* и *мешочекъ* используются для обозначения наименований мягкой тары и единицы измерения сыпучих тел: Муки ржаные три *мешечька*, пшеничные муки и *мешечикъ* черные самые ухоботные и въ пирогахъ петчи никойми нельзя что дресва ровно, валится и никуда не годится, лежить какъ привезена⁴³.

Мешки, как и мехи, шились из рогожи или холста, но мешки имели гораздо меньшую вместимость. По нашим данным, один мешок вмещал приблизительно 6 пу-

дов муки: Из того запасу издержал Василеи в артѢл на судно ярышкам *три мешка* муки ржаной а весом *полвосмнацата пуда* да он же Василеи в артѢл же издержал бочку житной муки а весом по 9 пуда... почал *мешек* отвесил само ядину на хлѢбы пудъ муки ржаной да само ядину же отвесил само ядину на хлѢбы пудъ муки ржаной да само ядину же отвесил из засека пудъ житней муки (ГААО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 3. Л. 2, 4. 1662 г.); Ржаной муки *четырьѢ мешка* а вес *двадцетъ четырьѢ пуда с полпудом* (т. е. один мешок вмещал более 6 пудов ржаной муки. — Там же. Л. 6 об.).

Выше уже говорилось о том, что для изготовления мехов использовали холст или рогожу. Мех, сшитый из рогожи, назывался в XVII в. также *мехом рогожным* или *рогожей*: Куплено под запасъ 7 меховъ рогожныхъ (Гр. Дв. I, 887. 1614 г. — КДРС); Волочили сол в дощаники с *рогожи* по осми денег да о/т/ контарного припуску с *меха* по четыре денги (РГАДА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 138. Л. 53—53 об. 1622 г.).

К концу XVII в. и далее значение уменьшительности у слова мешок стало стирать-

ся. *Мешок* начал просто заменять слово *мех*, вытесняя его из активного лексического состава. Во второй половине XVII в. *мешок* стал использоваться и для измерения соли, а не только зерновых культур, как это было до этого: В унском усолье двум метчикомъ соляным дано от метки соль в анбарех в мѢшки наметывали то лодыи пять алтнѣ две денги (ГААО. Ф. 191. Оп. I. Д. 589. Л. 27 об. 1669 г.); А на *мѢшки* въ чемъ соль въ досченики возить, велеть ...изодрав восемь парусов и велѢть сделать тысячу сто сорокъ *мѢшковъ* по полпята аршина мѢшекъ (АИ V. 1699 г. — КДРС); В трех *мешках* соли полны⁴⁴.

Постепенный процесс ликвидации феодальной раздробленности и образования единого Русского государства обусловил тенденцию ликвидации некоторых местных мер и укрепления единой общерусской системы измерений. Можно констатировать, что русская система мер сыпучих тел в общем и целом сложилась к концу рассматриваемого периода и в своей большей части сохранилась до введения в России международной метрической системы измерений.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГААО — Государственный архив Архангельской области (г. Архангельск).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1964—1987. — Т. II. — С. 157.

² Там же; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. — М., 1910—1914. — Т. I. — С. 281.

³ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. — Kraków, 1957. — S. 157.

⁴ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (ЭСТ). — М., 1974. — Т. IX. — С. 112.

⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. I. — С. 1172.

⁶ Там же.

⁷ Судаков Г. В. Были о словах и вещах. — Архангельск, 1989. — С. 160.

⁸ Влажинац М. Речник наших старих мера. У тока векова. — Београд, 1961—1974. — Св. I. — С. 109—112.

⁹ Срезневский И. И. Указ. соч. — Т. I. — С. 11.

¹⁰ Словарь пермских памятников XVI — нач. XVIII в. — Пермь, 1993. — В. II. — С. 143.

¹¹ Общекарпатский диалектологический атлас. — М., 1988. — С. 376.

¹² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV — нач. XVI в. — М., 1952. — Т. I. — № 155.

¹³ Влажинац М. Указ. соч. — Св. IV. — С. 746.

¹⁴ Срезневский И. И. Указ. соч. — Т. III. — С. 1511.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- ¹⁵ *Влајинац М.* Указ. соч. — Св. IV. — С. 1020–1022.
- ¹⁶ *Срезневский И. И.* Указ. соч. — Т. II. — С. 728.
- ¹⁷ *Никитский А. И.* К вопросу о мерах в древней Руси // Журнал Министерства народного просвещения. — 1894. — № 4. — С. 377–378.
- ¹⁸ Этимологический словарь славянских языков. — Т. II. — С. 150–151.
- ¹⁹ *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). — М.: Наука, 1966. — С. 164.
- ²⁰ *Фасмер М.* Указ. соч. — Т. II. — С. 532.
- ²¹ *Срезневский И. И.* Указ. соч. — Т. II. — С. 50, 54.
- ²² Там же. — Т. II. — С. 54.
- ²³ *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. — М.: Наука, 1990. — С. 101.
- ²⁴ *Срезневский И. И.* Указ. соч. — Т. II. — С. 54.
- ²⁵ Там же. — Т. II. — С. 53.
- ²⁶ *Прозоровский Д. И.* Древняя русская метрология. — СПб.: Изд-во Археолог. ин-та, 1888.
- ²⁷ *Черепнин Л. В.* Русская метрология. — М.: Трансжелдориздат, 1944. — С. 28.
- ²⁸ *Винник В. О.* Назви одиниць виміру і ваги в українській мові: Дис. ... канд. філол. наук. — Київ, 1964. — С. 169.
- ²⁹ *Влајинац М.* Указ. соч. — Св. III. — С. 554.
- ³⁰ *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1885. — С. 84.
- ³¹ *Бражникова Н. Н.* Исследование в области лексики Южного Зауралья по данным деловой письменности XVII — XVIII веков: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1971. — С. 71.
- ³² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1981–1982. — С. 276–277.
- ³³ *Срезневский И. И.* Указ. соч. — Т. II. — С. 252–253.
- ³⁴ *Фасмер М.* Указ. соч. — Т. II. — С. 612.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Даль В. И.* Указ. соч. — Т. II. — С. 379.
- ³⁷ Энциклопедический словарь (ЭСБЭ). — СПб.: Брокгауз Ф. А. и Эфрон И. А. — Т. XXXVI. — С. 338–339.
- ³⁸ Торговая книга // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. — СПб., 1851. — Т. I. Отд. 8. — С. 106–139.
- ³⁹ *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. — Т. II. — С. 252–253.
- ⁴⁰ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. (Словарь XI–XIV вв.). — М., 1988. — Т. IX. — С. 130.
- ⁴¹ *Никитский А. И.* Указ. соч. — С. 385.
- ⁴² Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. — Т. IX. — С. 130.
- ⁴³ Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря (АНМ). — М., 1898. — С. 254.
- ⁴⁴ *Бражникова Н. Н.* Исследование в области лексики Южного Зауралья по данным деловой письменности XVII–XVIII веков: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1971. — С. 80.